

Е. Д. ЛЯМИНА, Е. Е. ПАСТЕРНАК

СПИСКИ МЕМУАРОВ И. И. ДМИТРИЕВА «ВЗГЛЯД НА МОЮ ЖИЗНЬ»

Первое издание книги И. И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь» было осуществлено его племянником М. А. Дмитриевым в 1866 г. Он писал во вступительной заметке; «... я решился не откладывать более издания и печатаю эти записки в полном их виде по находящейся у меня рукописи, писанную сполна рукой самого автора».

Цель настоящей статьи мы видим в пояснении этих слов применительно к тому, какие списки воспоминаний Дмитриева нам удалось выявить и просмотреть. На сегодняшний день в Ленинградских архивах находятся следующие рукописи;

В рукописном Отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом):

1) 14. 781 LXXXII б. 19. Автограф I и III частей с авторской правкой в двух тетрадах. 1 часть кн. 1—3 писана на бумаге с водяным знаком, указывающим на 1825 г., а III часть кн. 7—10 — на листах бумаги 1819 и 1822 гг. Далее: автограф;

2) Шифр тот же. Копия писарской рукой всего сочинения (всех трех частей) в трех тетрадах. При этом в первой имеются нерегулярные исправления, сделанные, вероятно, самим Дмитриевым (это вставки, зачеркивания, изменение порядка слов и т. д.). По водяным знакам бумагу можно отнести к 1837 г. (именно тогда скончался И. И. Дмитриев). Далее: писарская копия ПД.

В рукописном отделе ГПБ:

3) ф. 167, ед. хр. 114, архив П. А. Вяземского. Копия писарской рукой на листах, сшитых в тонкую тетрадь. Рукопись не датирована. В правом верхнем углу первой страницы читается помета П. А. Вяземского: «Выписка из Записок... > И. И. Дмитриева с поправками руки его». В этой тетради переписана история знакомства Дмитриева с Державиным, что составляет выдержки из третьей

книги (в списке опущено все то, что не касается Державина, отсутствует несколько страниц об отношениях Дмитриева с Фонвизинным, Я. Б. Княжнинным и В. П. Петровым.) Далее: писарская копия Вяземского;

4) ф. 588, ед. хр. 22, архив Погодинские автографы. Копия писарской рукой на листах, сшитых в тетрадь, послужившая источником для публикации в погодинском журнале «Москвитянин» (1841, Ч. 1, № 1, с. 31—38). Рукопись не датирована. Этот список — фрагмент второй книги, рассказывающий о Карамзине, — «О начале моего знакомства с Карамзиным». /Далее: погодинская копия/;

5) список этого отрывка, выполненный писарской рукой, имеется также в архиве П. А. Вяземского (ф. 167, ед. хр. 114). Он не датирован. /Далее: копия Вяземского/.

В ЦГИА находится:

6) ф. 844, оп. 2, ед. хр. 676, архив Волконских. Список, представляющий собой четвертую книгу. На первой его странице написано рукой Вяземского: «Из неизданных записок Ив. Ив. Дмитриева». Рукопись эта также без даты. /Далее: копия ЦГИА/.

7) В Москве в ЦГАДА находится список той же книги с названием «Записка капитана Дмитриева об обвинении его и Лихачева в заговоре против императора Павла I» (р. I, № 73). Рукопись эта не датирована. Вопреки утверждению М. А. Дмитриева, расхождения между его изданием и авторской рукописью довольно значительны. Можно предположить, что печатал он по писарской копии ПД, более поздней, чем автограф. Еще раз оговорим, что вторая, срединная, часть автографа до нас не дошла. М. А. Дмитриев же писал, что в его распоряжении находился весь текст целиком. Сопоставив I и III части автографа и соответствующие части писарской копии ПД, мы обнаружили, что в авторском тексте имеются расхождения с писарской копией ПД.

Судя по всему, до нас не дошел один вариант «Записок», по времени написания следовавший за автографом и предшествовавший писарской копии ПД. М. А. Дмитриев уверял, что у него имелась вся авторская рукопись целиком. Вряд ли обнаруженный нами текст представлял собой автограф, так как трудно предположить, что И. И. Дмитриев дважды писал свои воспоминания собственноручно. Видимо, промежуточная редакция была писарской; возможно, она писалась под диктовку автора с попутно вносимыми им исправлениями.

Но М. А. Дмитриев пользовался обоими нам известными текстами, преимущественно опираясь на писарскую копию ПД. В расхождениях автографа и писарского варианта ПД М. А. Дмитриев чаще всего придерживается последнего. Исправление в издании

1866 г. неверно воспроизведенных писарем слов и соответственно возврат к автографу говорят о том, что М. А. Дмитриев сверял писарскую копию ПД с автографом. Например, у И. И. Дмитриева было; «Канцлер же от обоих был *отменен ...*», писарь прочел это как «*отличен*», а М. А. Дмитриев напечатал опять же «отменен» (Взгляд на мою жизнь. М., 1866, С. 182. Здесь и далее курсив наш. — Е. Л., Е. Ж.). Вызывают недоумение случаи, когда писарская копия ПД совпадает с автографом, а в издании 1866 г. при этом печатается какой-то иной, новый вариант; в автографе и в писарской копии ПД читаем: «Пред самым *отбытием* Государя ...», а в издании 1866 г. — «*отъездом*» (С. 206). Или в автографе и писарской копии ПД: «поверенный *предъявляет* притязания свои на часть владения ...», в издании 1866 г. — «*объявляет*» (С. 207). Такие исправления — а они многочисленны — можно считать просто редакторским вмешательством издателя, пожалуй, иногда смутно объяснимым. Например, Дмитриев рассказывает о М. М. Сперанском: «Тогда он был *на самой высоте счастья ...*». В писарской копии ПД мы, однако, читаем: «на самой высоте случайности». И наконец, в издании 1866 г. с удивлением обнаруживаем: «...на *самой высокой случайности*» (С. 198).

По каким-то тонким соображениям в автографе нет подробностей встречи Дмитриева с Государем после удаления Сперанского от двора. Однако мы находим эту сцену и в писарской копии ПД, и в издании 1866 г.: «Теперь остается мне передать то, что сказано мне было самим Государем на счет Сперанского. После его удаления два раза отказано мне было в личном докладе; в третий же допущен в кабинет, и Государь, при входе моем, изволил сказать: «Не сердись, что я два раза не принимал тебя: причиною тому вся эта пакостная история» — и тотчас стал мне рассказывать, что Сперанский, за две комнаты от кабинета, позволил себе в присутствии близких к нему людей опорочивать политические мнения (кстати, в писарской копии ПД — «меры», а не «мнения». — Е. Л., Е. Ж.) нашего правления, ход внутренних дел и предсказал падение Империи ...» см. с. 196 — фрагмент цитирован нами не полностью).

Та же ситуация — в описании торжеств по случаю подавления восстания Пугачева и заключения мира с Турцией: «... по крайней мере, не стыжусь и теперь с поэтическим участием повторить последнее двустишие из послания, поднесенного на этот случай знаменитому полководцу столь несправедливо забытым ныне Петровым. Вот как сильно и кратко изобразил поэт могущество Екатерины:

Речет, да гибнет враг: и сходит быстро месть!
Да грянет гром: гремит! да будет мир: и есть», (с. 30).

Видимо, М. А. Дмитриев стремился объяснить своим современникам давно прошедшие и забытые события, потому он и раскрывает инициалы исторических лиц, государственных деятелей или просто знакомых его дяди (эта тенденция проявляется уже в писарской копии ПД и усилена в издании 1866 г.), опускает, как ему кажется, совсем непонятные, неинтересные или лишние детали. К примеру, в автографе и писарской копии ПД сцена всеобщего ликованья по поводу вступления русской армии в Париж в 1814 г. описана следующим образом: «... жильцы выставляли в окнах своих прозрачные аллегорические картины или что другое с остроумными надписями, *относящимися к вине торжествования*». Эта подробность в издании 1866 г. опущена. Теперь обратимся к отдельным спискам фрагментов из воспоминаний. Как указывалось выше, погодинская копия, содержащая историю знакомства Дмитриева с Карамзиным, стала основой для публикации в журнале «Москвитинин». Она отличается как от двух уже разобранных вариантов, так и от копии Вяземского.

В погодинской копии и копии Вяземского читаем: Карамзин «обучаем был немецкому языку тамошним пятидесятилетним врачом из немцев, которого прозвище я позабыл, но очень помню его привлекательную, несмотря на спинный горб, физиономию». В автографе, писарской копии ПД и издании 1866 г. (с. 38) — «...но очень помню, не потому, что он был с горбом, но по его привлекательной физиономии».

Лишь незначительные различия наблюдаются между погодинской копией и копией Вяземского:

Копия Вяземского

«как уже стали короткими зна-
комцами...»;
«едва ли не год».

Погодинская копия

«как мы уже стали...»;
«едва ли не с год».

В обоих случаях издание 1866 г. совпадает с погодинской копией.

В автографе и писарской копии ПД читаем: отцы семейства, «которые хотя и не охотники слушать молодежь, но его Карамзина слушали». В погодинской копии — «не привыкли слушать молодежь, но его слушали». А в копии Вяземского — «не привыкли слушать молодость, но ...» (возможно, это описка или неправильное прочтение сходных по начертанию слов).

Таким образом, оба списка ГПБ, так или иначе связанные с историей публикации этого отрывка в 1841 г., стоят совершенно отдельно от автографа, писарской копии ПД и, соответственно, изда-

ния 1866 г.. Хотелось бы отметить, что слова М. А. Дмитриева в предисловии к книге о «повременных изданиях, которые мало уважают литературную собственность» и печатают без согласия наследников и без какого-либо на то права, «со списков, неизвестно как доставшихся издателям», ни в коем случае нельзя отнести к Погодину, ибо он сопроводил публикацию в «Москвитянине» выражением признательности М. А. Дмитриеву за предоставленный материал.

Теперь остановимся на писарской копии из архива Вяземского, рассказывающей о Державине. «Поправки руки» И. И. Дмитриева немногочисленны: так, например, автор исправил фамилию «Волков» на «Вельяминов». Писарская копия Вяземского обнаруживает сходство с писарской копией ПД и в некоторых случаях различается с авторским текстом ПД. Однако и обратных случаев предостаточно. К примеру, в автографе и писарской копии Вяземского читаем: «В этой книжке помещены были: Ода на случай Восшествия на престол Екатерины Второй; другая на кончину Бибикова; еще несколько философических (NB: в автографе не философических, а нравоучительных — Е. Л., Е. Ж.) од и послание Фридриха Второго...» Это было заменено лаконичным: «помещены были несколько од разного содержания, более философических, и послание Фридриха Второго ...» (писарская копия и издание 1866 г.).

Дмитриев пишет о Державине в автографе и писарской копии Вяземского: «Голова его была хранилищем заготовленного запаса сравнений, уподоблений, сентенций и картин...». В писарской копии ПД и в издании 1866 г. отсутствует определение «заготовленный».

Забавная сцена посещения Державина его почитателем отражена по-разному:

автограф:

«Входит живописец в нетрезвом виде, начинает в высокопарных выражениях извинять свою дерзость, происшедшую *единственно от непреодолимого желания насладиться лицезрением великого мужа, преславногo стихотворца и пр. и пр.*»;

писарская копия Вяземского:

«Входит румяный живописец, начинает высокопарною речью извинять свою дерзость, происшедшую, по его словам, *единственно от непреодолимого желания насладиться лицезрением великого мужа, знаменитого стихотворца и пр.*»;

писарская копия ПД и издание 1866 г.:

«Входит румяный и слегка подгулявший живописец, начинает высокопарною речью извинять свою дерзость, происходящую, по

словам его, *единственно ...*» (далее совпадает с писарской копией Вяземского; курсив везде принадлежит И. И. Дмитриеву).

Список, находящийся в ЦГИА и целиком составляющий IV книгу, остается сопоставить с писарской копией ПД и фрагментом, хранящимся в ЦГАДА. Список ЦГИА и писарская копия ПД незначительно друг от друга отличаются, однако на первой же странице мы читаем:

писарская копия ПД:

«Вскоре потом отпросился в годовой отпуск»;

писарская копия ЦГИА;

«отправился» вместо «отпросился».

Не понятно, отнести ли к несохранившемуся авторскому тексту или к редакторским исправлениям М. А. Дмитриева случаи типа:

Писарская копия ПД;

Издание 1866 г.

писарская копия ЦГИА

Но день <...> внезапно *разнал*   ...*рассеял...*

все утешительные надежды ...

... получить звание не менее

почетное ...

...*почтенное...*

Весьма часто в этой главе в варианте писарской копии ЦГИА встречается написание «полицеймейстер», не отраженное в писарской копии ПД. Однако в данной статье мы не останавливаемся на подобного рода различиях, основанных на изменении орфографических и орфоэпических норм, не касаемся мы также и чрезвычайно многочисленных случаев перестановки слов.

Список, находящийся в ЦГАДА, недатированный и неизвестного нам происхождения, сильно отличается от разобранных выше вариантов. Начало этого отрывка представляет собой в сущности иной текст. Затем различия становятся не столь существенными, но остается очень много случаев перестановки слов и т. д. Неясно, чьей рукой написан этот фрагмент.

Отдельно следует сказать, что М. А. Дмитриев в своем издании 1866 г. исправлял датировку и фамилии действующих лиц, опираясь не только на собственную память, но проверяя их по документам, историческим свидетельствам и, возможно, по воспоминаниям современников его дядюшки. Так, например, И. И. Дмитриев пишет, что в 1795 г. он получил капитанский чин. Племянник его печатает, что это произошло в 1796 г. Или, скажем, в рассказе о Сперанском говорится неопределенно: «По прошествии года или более позволено ему было жить <...> в Новгородской губернии». М. А. Дмит-

риев снимает всякие сомнения: «по прошествии года». Он считает, что дядюшку подводила память, когда тот писал, например, следующее: «Сочинение адреса или прошения <...> предоставлено было генерал-прокурору графу Самойлову», и М. А. Дмитриев исправляет: «генерал-прокурору князю Вяземскому».

Все сказанное обнаруживает настоятельную необходимость полностью издать «Взгляд на мою жизнь» И. И. Дмитриева. Сопоставление разных его списков показывает, что издание 1866 г. в значительной степени устарело, несмотря на содержательные примечания М. Н. Лонгинова.

В заключение мы выражаем искреннюю признательность А. М. Пескову, чьи ценные советы и указания сделали возможным появление этой работы.